

«сводка сводок», что повышает ее обобщающее значение. Кроме того, очень ценно также, что В. В. Воробьев ввел в работу не публиковавшиеся ранее архивные материалы. Чаще всего архивные материалы, например церковноприходского учета, привлекаются для уточнения уровня рождаемости и смертности.

В большой работе неизбежны отдельные огрехи, но в рецензируемой книге их немного. Обычно это скорее редакционные погрешности или описки. Например, на стр. 99 текст сформулирован так, словно автор недостаточно четко различает собирательское и охотничье хозяйство. На стр. 62 приведены следующие цифры: рождаемость 50,6‰, смертность 38,0‰, естественный прирост 14,6‰. Очевидно, что это невозможное сочетание, в одну из этих цифр вкралась описка или опечатка. Рецензент огорчился, увидев в сноске на стр. 167 неправильное название своей книги «Переселение в Сибирь» вместо «Заселение Сибири» (в других местах ссылки на нее даны правильно). Но нет смысла останавливаться на подобных мелочах.

Книга В. В. Воробьева — ценный подарок историкам, демографам, этнографам, географам, и, конечно, сибироведам всех специальностей. Обидно, что широкое использование ее, возможно, будет затруднено из-за малого тиража: всего 1200 экз. Ведь это значит, что, если книга будет распространяться только среди жителей Восточной Сибири, приобрести ее сможет лишь один сибиряк из восьми тысяч!

В. В. Покишиевский

Быт и искусство русского населения Восточной Сибири, ч. II — Забайкалье. Новосибирск, 1975, 149 стр., прилож.

Рецензируемая работа, опубликованная Сибирским отделением издательства «Наука», вторая часть двухтомника «Быт и искусство русского населения Восточной Сибири»¹.

Изучению локальных групп русского населения в настоящее время уделяется все большее внимание. Сложные вопросы формирования культуры русского народа, переселившегося в Сибирь из различных губерний Европейской части страны, решаются совместными усилиями специалистов научных учреждений Москвы и Новосибирска. В создании рецензируемой книги приняли участие научные сотрудники Института этнографии АН СССР, Института истории искусств Министерства культуры СССР, и Института истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР.

Книга «Забайкалье» как и «Приангарье» написана, в основном, на полевых материалах, собранных в конце 50-х — начале 60-х гг. в Бурятской АССР и Читинской области.

Особенность и несомненные достоинства книги заключаются в том, что затронутые в ней проблемы рассмотрены в широкой исторической перспективе: от первых поселений человека до современности. Комплексное изучение региона археологами, этнографами, историками, фольклористами, искусствоведами и музыковедами дало возможность осветить различные стороны культуры и быта населения.

Книга открывается статьей крупнейшего знатока палеолита Сибири академика А. П. Окладникова «Древнее Забайкалье». Автор живо и ярко пишет о своеобразных природных условиях долины р. Селенги, благоприятствовавших раннему заселению этой местности человеком. На обширном археологическом материале прослеживаются черты, роднящие культуру древних насельников Забайкалья с племенами Центральной и Средней Азии, Урала. «Забайкалье, — заключает автор, — на протяжении тысячелетий было поэтому местом, где причудливо скрещивались и находились в сложном взаимодействии в корне различные по происхождению племена и народы, в том числе не только сибирские и центральноазиатские, но и дальневосточные» (стр. 7).

Сложность путей формирования местного населения и его широкие контакты с другими народами прослеживаются и при описании культуры русских сибиряков.

И. В. Власова на основе литературных и архивных источников показывает процесс заселения края русскими. В конце XVII — начале XVIII в. здесь появились военно-служилые люди, а вслед за ними принудительные и добровольные поселенцы. В середине XVIII в. в Забайкалье были сосланы семьи старообрядцев («семейские») из западных губерний страны. В результате этих переселений к концу XVIII в. сложились две основные группы русских старожилов — «семейские» и «сибиряки» и среди последних забайкальские казаки. Автор показывает, что возникновение на раннем этапе селений «военного характера» (станции, слободы), а затем сельскохозяйственного (села, деревни и пр.) было связано с историей заселения края. Села и деревни располагались обычно вблизи удобных для пахоты земель, что обусловило неравномерную плотность заселения территории. Размеры поселений и их тип зависели от форм землепользования и общественных отношений.

Однако одним выяснением путей заселения и особенностей формирования населения невозможно ответить на вопросы об истоках народной культуры и ее развития.

¹ Первая часть двухтомника — «Приангарье» издана также в Новосибирске в 1971 г.

Для этого необходимо кропотливое этнографическое исследование жилища, одежды, поэтического и музыкального творчества сибиряков, что и сделано в других статьях настоящего сборника.

В статье И. В. Маковецкого «Архитектура русского народного жилища Забайкалья» убедительно показано, что строительство домов велось здесь в традициях лесной полосы Европейской части России, но с использованием ценных местных пород деревьев (влагодостойкие лиственница и пихта шли на нижние венцы и кровлю, гладкая древесина кедра употреблялась для оформления избы, ворот). Обращает на себя внимание наличие также и южнорусских традиций, которые прослеживаются в расположении дома по отношению к улице и, в особенности, в застройке усадьбы. Автор собрал большой материал о местном жилище русских и проследил его эволюцию. Статья богато иллюстрирована прекрасно выполненными чертежами, рисунками, photographиями.

Г. С. Маслова в статье «Русская народная одежда Забайкалья» дает сравнительный анализ костюма каждой этнографической группы местного русского населения. Эту статью можно считать основной в сборнике, как по богатству представленного в ней материала, так и по глубине его историко-этнографического анализа. Автор рассматривает одежду с учетом занятий населения, его быта и связей с соседними народами. Особое внимание, как и в других статьях сборника, уделено «семейским». Показано большое сходство костюма на всей территории их расселения от Байкала до Амура, общие черты одежды «семейских» и родственных им групп старообрядцев Западной Сибири: «полюков» и «каменщиков». Вместе с тем, на основании тщательного анализа деталей костюма автор выделяет две подгруппы «семейских»: первую, расселенную в Бурятии, вторую — в Читинской области, по реке Чикой.

Очень интересна попытка автора использовать обширные материалы историко-этнографического атласа «Русские» в качестве этнографического определителя компонентов, легших в основу культуры русских сибиряков. Известно, что в формировании этой группы принимали участие представители многих губерний России. Диалектологи определяют говор сибиряков как северорусский в основе, с элементами южнорусского. Анализ, проведенный Г. С. Масловой, позволяет назвать конкретные северорусские губернии, а также некоторые южнорусские, характерные элементы костюма жителей которых отмечены в одежде сибиряков. Опыт такого анализа, несомненно, необходимо использовать и в дальнейшем при изучении этногенеза русского населения Сибири.

В статье А. А. Лебедевой «Семья и семейный быт русских Забайкалья» в основном освещен семейный строй «семейских» до революции и показаны изменения, произошедшие за годы Советской власти в среде старообрядцев, быт которых еще недавно отличался консерватизмом. Автор осветила широкий круг вопросов, связанных с изучением семьи, удачно сочетая свои полевые наблюдения с рассмотрением архивных материалов. Необходимо указать, что семейный быт русских Забайкалья ранее почти не изучался.

Н. С. Полищук в статье «Быт и культура семейских Забайкалья» показывает консерватизм и фанатическую приверженность этого населения к старине в прошлом и сложный процесс перестройки их быта после Великой Октябрьской социалистической революции. В статье широко освещается деятельность сельских клубов и Домов культуры, вскрыты и некоторые недостатки в их работе. Очень интересны материалы о новых советских праздниках.

Ряд статей сборника посвящен проблемам искусства.

В селах Забайкалья приобретена коллекция образцов расписной утвари и одежды (конца XIX — начала XX в.) для Государственного Исторического музея. Описание этой коллекции дается в статье М. Г. Тарусской.

Несколько статей посвящены поэтическому и музыкальному фольклору. Н. И. Савушкина рассматривает современное состояние народного творчества, характеризует собранный во время экспедиции текстовый материал, показывает судьбу традиционного фольклора старожилов Забайкалья в советское время. Автор приходит к выводу, что народное творчество русских Забайкалья сформировалось на базе общерусского искусства. В статье прослеживается репертуар различных возрастных групп, а также показывается, когда и где исполняются песни различных жанров.

Статью Н. И. Савушкиной удачно дополняет работа Н. М. Владыкиной-Бачинской «Народное песенное творчество забайкальских семейских». Автор дает в ней анализ песенного репертуара семейских и приводит 15 полных записей песен различных жанров. На основе собранных материалов, она приходит к выводу, что среди забайкальских семейских господствуют традиции хоровой многоголосной протяжной песни, которой владеют все возрастные группы взрослого населения — как мужчины, так и женщины. В статье показано поразительное богатство и разнообразие творческих приемов народного многоголосия. В заключение автор отмечает, что песенная культура забайкальских семейских «вполне жизнеспособна, находится в цветущем состоянии, веками накопленные эстетические ценности бережно хранятся народом» (стр. 143).

Завершает сборник небольшая статья «Русские народные пляски Забайкалья», рассказывающая о бытовании песенно-танцевального фольклора среди различных возрастных групп. Интересно, что все упомянутые в статье пляски сюжетны, исполняются под песню и обыгрывают ее содержание. Названия танцев: «Коза и медведь», «Ловля ерша», «Зять и теща» указывают на их традиционность.

Сборник разносторонне отражает быт русского населения Забайкалья, его материальную и духовную культуру. В ряду этнографических публикаций это издание выделяется широтой тематики. Комплексное изучение народного быта, зодчества, музыкально-поэтического творчества способствует выявлению общих черт культуры этой ветви русского народа, сложной по формированию и разнообразию этнических связей. Приведенные в сборнике материалы позволяют сделать вывод о северорусской основе культуры семейских, с заметным влиянием южнорусских традиций. Они также свидетельствуют о взаимовлиянии русских и соседних сибирских народов. К сожалению, в большинстве статей авторы дают описательный материал по тому или иному аспекту культуры русских Забайкалья. Отсутствуют сравнительные данные даже с культурой русских Приангарья, которым была посвящена первая книга двухтомника. Возможно, это объясняется характером издания: в научный обиход введен новый материал, представляющий собой самостоятельную научную и художественную ценность.

Сборник является значительным вкладом в изучение культуры русского народа. Его ценность увеличивают хорошо выполненные иллюстрации, сопровождающие статьи и помещенные в приложения, а также тексты песен и нотные записи. Сборник, несомненно, будет интересен не только специалистам, но и широкому кругу читателей.

В. А. Липинская, А. В. Сафьянова

Ю. В. Попович. Молдавские новогодние праздники (XIX — начало XX в.). Кишинев, 1974, 183 стр.

Работа Ю. В. Поповича посвящена изучению одной из существенных составных частей духовной культуры молдавского народа в XIX и начале XX в.— новогодней календарной обрядности. Новогодние обычаи и обряды молдаван входят в круг исследований по календарной обрядности народов мира, изучаемой советскими этнографами.

Автор поставил перед собой задачу определить этапы развития новогодних обрядов, бытовавших в период от наиболее древних времен до начала XX в., а также исследовать различные этнические компоненты этих обрядов, что чрезвычайно важно для освещения проблемы этногенеза молдаван.

Работа основана на исследованиях и описаниях молдавских календарных обрядов, по времени предшествующих работе автора, и главным образом на полевых этнографических материалах, собранных Ю. В. Поповичем в различных районах Молдавской ССР и прилегающих районах Украины, где также живут молдаване. В работе Ю. В. Поповича использована и критически осмыслена литература по молдавской календарной обрядности; вне поля его зрения не остались и труды по календарной обрядности соседних народов. Автор с вниманием отнесся к работам советских исследователей, внесших большой вклад в теорию трудового происхождения праздников и обрядов.

Интересна и важна первая глава «Начало года в календаре молдаван», посвященная истории молдавского календаря. В ней устанавливается три времени начала года на территории Молдавии: с древнейших времен до возникновения Молдавского феодального государства новый год начинался в марте; с XV в.— в январе; с XVII в.— в сентябре (в канцелярии) и январе (в быту); в первой половине XVIII в.— в январе (в летописях и в быту), в сентябре (в канцелярии и летописях); с 70-х годов XVIII в.— в январе (и в канцелярии и в быту). Некоторые сомнения вызывает категоричность утверждения о существовании мартовского нового года в Молдавии (стр. 17). В наиболее ранних описаниях путешественников упоминания о мартовском новом годе у молдаван отсутствуют. Смысловое же, а не лексическое совпадение названий весенних месяцев у молдаван и славян (например, месяц флорар) дает основания только для некоторых предположений об идентичности срока начала года у того или другого народа.

Особый интерес представляет вторая глава «Новогодние обычаи и обряды», занимающая большую часть работы (стр. 27—105). В основу членения этого раздела легли компоненты молдавской новогодней обрядности. Здесь тщательно описана и подведена детальному исследованию последовательность новогодних обрядов. Обряд ритуальной пахоты и посева и обычай «соркова», направленные на увеличение плодородия, обычаи, отражающие веру в способность растений исцелять людей и скот, обеспечивают высокий урожай и освободить от «нечисти»; особый ритуал новогодней трапезы и обряд «первого посетителя»; драматизированные представления, связанные с культом плодородия, которые должны были, по поверьям, обеспечить богатый урожай и благополучие на весь год,— составляют яркую и сложную картину новогодних обычаев у молдаван. Остановимся на некоторых из них.

Обрядовые действия с плугом и поздравления хозяев — один из основных новогодних обычаев. Метод изучения его (как, впрочем, и других обрядов) Ю. В. Поповичем имеет ряд достоинств. Автор связал текст поздравлений, рассматривавшийся до сих